

Виктор Вургафтик

Какой бы ни была христианская конгрегация, каждый совершаемый в ней обряд /этим словом я называю здесь и её таинства/ она считает несомненно благодатным, т.е. необходимо приносящим то или иное духовное благо. Так как первоисточником каждого духовного блага является Бог, может создаться впечатление, что в сообщении людям этих духовных благ Он подчинён их обрядовым действиям: если они совершают их, не может не дать им определённого духовного блага. В конечном счёте эта установка в отношении такой благодати подчиняет Бога людям, тогда как в действительности Он абсолютно свободен, обряды же она превращает в магию.

Мне кажется, верно, что обряд всегда приносит духовное благо. Верно и то, что духовное благо даёт только Бог. Но неверно делать отсюда вывод, что в подаче духовного блага Бог зависит от человеческих действий. Я думаю, никто иной, как Бог, даровал их людям, с тем, чтобы давать им в этих действиях духовное благо. Бог хочет, чтобы люди знали, что оно исходит именно от Него, и с этой целью дарит им его не анонимно, а по их обрядовому прошению. Кроме того, Он хочет, чтобы они ощутили его получение, и для этого соединяет его с их действиями, которые являются не только словесными, но также и телесными.

Виктор Вургафтик

Лука 15:1-10.

Мне кажется, в этих притчах потерявшаяся овца или драхма означает человека, выпавшего из закона, который принят в данном обществе. Книжникам и фарисеям Христос говорит не просто о законе, данном через Моисея, а о той его части, которую, вместе с добавлениями к ней, в то время принято было исполнять. Мытари и грешники, слушавшие Христа, преступили этот закон, были беззаконниками, несущими, поэтому осуждение Бога. Фарисеи же и книжники исполняли его. Они жили в Законе, были овцами или драхмами, которые не потерялись. Перед законом они были праведниками, а мытари и грешники – неправедными.

Но Бог прощает грехи тем, кто их осознаёт, т.е. каётся, и в отношении прощения надеется только на Христа. Как пишет апостол Иоанн, «если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он /Бог/, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» /1Иоанна 1:8-9/.

Виктор Вургафтик

Я. С. Друскин говорит, что свободный выбор в действительности не свободен, так как детерминирован /т.е. определяется, обусловлен, продиктован/, во-первых, мотивом выбора, его целью. Я выбираю А потому-то

или для того-то: А для меня выгодно, удобно, более приятно или менее неприятно; однако несмотря на это я могу выбрать и не-А – например, для того, чтобы доказать себе, что я свободен, не подчинен выгоде, удобству и пр., в этом случае мой выбор продиктован желанием доказать мою свободу.

Предположим, однако, что моя свобода выбора есть действительная свобода, данная мне Богом. Устраняется ли она тем, что я использую её для достижения моих целей, удовлетворения моих желаний? Доказывает ли это, что я не свободен? Разве Бог не использует Свою несомненную свободу для достижения Своих целей и согласно Своим желаниям? Вот какое сомнение вызывает во мне этот довод Друскина.

Во-вторых, говорит он, свободный выбор детерминирован его формой – тем, что в определённой ситуации я не могу его не совершить. Я могу выбрать А или не-А, но не могу избежать самого выбора. Если даже я откажусь выбирать, это будет выбором невыбора, т.е. я всё-таки совершу выбор. Я заключён в свободу выбора и не могу из неё вырваться.

Если, однако, Бог определил человеку быть свободным в смысле свободы выбора, если она есть неотъемлемое свойство человека, без которого он уже не есть человек, то вполне понятно, что он не может от неё уйти и не может не осуществлять её в конкретных актах выбора. Но значит ли это, что у него нет свободы? Ведь и Бог не может отринуть Свою несомненную свободу. Поэтому и относительно второго довода Друскина во мне возникает сомнение.

Друскин говорит, что свобода выбора есть сам грех, так как является состоянием «я могу сам» /слово «могу» не означает здесь какую-либо силу – физическую, психическую, денежную или иную/, в действительности же всё делает Бог, и, значит, сам я ничего не могу сделать, состояние «я могу сам» всецело и всегда противно Божьему устройению всего, иначе говоря, представляет собою сам грех. Ввиду того, что каждый свободный выбор есть осуществление свободы выбора, т.е. греха, он является конкретным грехом, или прегрешением, независимо от того, что я выбираю – почитаемое у людей добрым или злым.